

Ли Сяньфу наконец отвлекся от созерцания природы и открыл сообщение. Оказалось, оно было от «-».

[-: Если в следующий раз захочешь заставить меня объявиться, не нужно специально выкладывать посты в соцсетях. Это выглядит слишком нарочито.]

[-: Сегодняшние новости очень интересны.]

Будь это раньше, Ли Сяньфу, возможно, пояснил бы, что поднялся на гору лишь ради того, чтобы сбежать от офисной рутины с девяти до пяти. Но сейчас он лишь скользнул взглядом по первой строчке и сразу перешел ко второй.

За день выходит бесчисленное множество новостей, и раз собеседник так выразился, он наверняка был уверен, что эта конкретная новость имеет для Ли Сяньфу огромное значение.

Ли Сяньфу первым делом просмотрел список горячих тем, но ничего не обнаружил.

Машина незаметно подъехала к воротам жилого комплекса. Ли Сичунь повернулся и сказал:

— Для въезда внутрь нужна регистрация, так что мы дойдем пешком. Можешь возвращаться.

Гао Сюнь кивнул. Он прекрасно понимал: если они действительно доедут до самого дома, его будет ждать вовсе не приглашение войти и выпить чаю, а привычные колкости пришедшего в себя старика Ли.

Машина развернулась и скрылась в ночной темноте.

Ли Сичунь отвел взгляд и тяжело вздохнул.

У самого дома они встретили тетю Чжан, которая как раз выходила на улицу. Она с улыбкой поздоровалась с ними.

— В доме сейчас никого нет, — предупредила она, давая понять, что звонить в дверь не нужно.

Для Ли Хуайчэня сверхурочная работа в компании была обычным делом, поэтому Ли Сичунь не стал о нем расспрашивать, а лишь спросил:

— А Аньцин?

— С самого утра ее почти не было видно, — покачала головой тетя Чжан.

Ли Сичунь наощупь набрал номер, но на том конце лишь бросили короткое «занята» и повесили трубку. У него дернулась бровь, и он невольно подумал о том, чтобы отправить Ли Аньциня в храм Синъюнь — вправить мозги.

— Должно быть, из-за Фан Юаньцзяня, — спокойно произнес Ли Сяньфу. — Второй брат как-то умудрился заставить людей, которые раньше проворачивали с Фан Юаньцзянем грязные делишки, добровольно пойти с повинной.

Ли Аньцин всегда доводил начатое до абсолюта, и в последнее время искал неопровержимые доказательства того, что работы Фан Юаньцзяня на самом деле принадлежали кисти его отца.

В доме и правда стояла кромешная тьма. Ли Сичунь наощупь щелкнул выключателем, и комнаты мгновенно залил яркий оранжевый свет.

В это мгновение старику Ли показалось, будто перед ним снова возникла сияющая золотом храмовая статуя Будды. Сохраняя невозмутимый вид, он переобулся и прошел внутрь, раздумывая, кто же его попутал: бесы или сам Будда?

В его голове быстрой перемоткой пронеслось все, что произошло на горе. Кажется, все началось с того момента, как он услышал, как Ли Сянфу читает сутры.

Он остановился и оглянулся на предполагаемого виновника. Ли Сянфу спокойно встретил его взгляд. Хватило одного-единственного взгляда, чтобы старик Ли вдруг поймал себя на том, что больше не решается смотреть ему прямо в глаза.

Списав свое состояние на недавний плохой сон и расшатанные нервы, он попытался успокоиться.

— Я пойду к себе, отдохну, — сказал он остальным, избегая встречаться взглядом с младшим сыном. — Ложитесь спать пораньше, в нашем доме не принято засиживаться допоздна.

Ли Сянфу не пошел наверх. Его взгляд упал на диван, он подошел к нему и взял лежавшую в стороне газету.

В наши дни мало кто выписывает газеты, так что новость, на которую намекал «-», вполне могла оказаться здесь.

Увидев, что тот внезапно принялся за газету, Ли Сичунь решил, что недавнее упоминание о перестрелке всколыхнуло в брате плохие воспоминания и он просто пытается отвлечься. Ли Сичунь присел рядом, собираясь завязать разговор и как-то его утешить.

Но не успел он и рта открыть, как заметил, что Ли Сянфу перелистывает страницы с поразительной быстротой — словно не читал, а целенаправленно что-то искал. Когда тот уже собирался перевернуть очередной лист, Ли Сичунь резко схватил его за запястье:

— Погоди.

Грубоватым движением вытянув одну из страниц, Ли Сичунь как-то неестественно опустил взгляд, едва не проткнув бумагу ногтем.

Ли Сянфу наклонил голову и тоже посмотрел на страницу. Заголовок так и бросался в глаза: «Чудовищное преступление! Ради наследства мужчина убил жену и бросил ребенка».

На одной из опубликованных фотографий была изображена мать убитой женщины, которая упала в обморок от слез, а окружающие поддерживали ее. Снимок не был размыт.

Заметив, что Ли Сичунь сам не свой, Ли Сянфу спросил:

— Знакомые?

Ли Сичунь удивленно поднял глаза, но тут же с грустной улыбкой опустил их.

— Совсем забыл... — Он как-то одеревенело отпустил газету. — Ты ведь мало что помнишь, особенно все, что связано с Цинь Цзяюй.

Не дожидаясь расспросов, Ли Сичунь глубоко вздохнул и продолжил:

— Это мать моей прежней подруги.

История вышла до банальности скверной. Когда Ли Сичунь учился в университете, он встречался с одним парнем. Потом тот сам предложил расстаться и сразу же женился на его лучшей подруге.

Ли Сянфу нахмурился:

— Насколько я помню, зрение у тебя единица. Как же ты умудрился так ошибиться в мужчине?

Ли Сичунь самокритично усмехнулся.

— Но при чем тут Цинь Цзяюй? — спросил Ли Сянфу.

— В свое время под предлогом вечеринки я пригласил своего парня к нам в гости. Как только вечеринка закончилась, он тут же объявил о расставании, а причину называть отказался, — Ли Сичунь поджал губы. — Я расспрашивал гостей, и кое-кто рассказал, что тем днем видел, как он в полной панике убегал с заднего двора. Следом за ним вышли вы с Цинь Цзяюй и бросили ему вслед: «Скатертью дорога».

— Тогда я спросил у тебя, в чем дело, а ты ответил, что у него лицо дурное — мол, жену в могилу сведет, да и ее брата тоже.

«...» Оправдание звучало нелепо и было явной отговоркой.

— И ты меня даже не поколотил? — спросил Ли Сянфу.

— Очередь не дошла, — сухо бросил Ли Сичунь. — Тебя тогда за прогулы то отец охаживал, то старший брат брал на воспитание. Твой график был забит так плотно, что мне там просто не нашлось места.

«...»

Ли Сичунь тут же сменил тон и озадаченно поднял голову:

— Но позже я был тебе даже благодарен. Та моя подруга забеременела и вышла за него, а вскоре их семья разорилась. Слышал, этот тип потом еще и с ее двоюродной сестрой закрутил.

Настоящее чудовище в человеческом обличье, подонок и лицемер — о таких, как он, только так и говорят.

Ли Сичунь собирался утешить Ли Сянфу, но воспоминания о прошлом лишь заставили его самого тоскливо вздыхать. С тяжелым сердцем он поднялся к себе, раздумывая, стоит ли навестить убитую горем мать своей прежней подруги.

Ли Сянфу долго сидел в одиночестве, а потом вдруг завел с Ли Шашой разговор о философской связи между памятью и телесной оболочкой.

Философские беседы нравились Ли Шаше гораздо больше буддийских проповедей, так что он с готовностью поддержал тему.

Их беседа продлилась около четверти часа.

В горле запершило. Ли Сянфу сделал глоток воды, бросил взгляд на аватарку «-» в телефоне и внезапно отправил три вопроса подряд: «Дорогой, все еще куришь? Все еще пьешь? Сходил уже в больницу свести татуировку?»

«-» ничего не ответил.

Ли Сянфу не унимался и принялся заваливать чат сообщениями, раз за разом повторяя эти три сакраментальных вопроса. Спустя десять минут его наконец заблокировали.

На его губах заиграла улыбка. Ли Сянфу тихо произнес:

— Враг в тени, а я на виду, но победа все равно будет за мной... Знаешь почему?

Глядя на красный восклицательный знак блокировки, Ли Шаша медленно ответил:

— Потому что на душе у врага нет покоя.

Ли Сянфу удовлетворенно кивнул:

— В самую точку.

...

Час ночи.

Ли Хуайчэнь открыл дверь и вошел в дом. На ковре сидели две фигуры, взрослая и детская, скрестив ноги, словно в глубокой медитации.

Услышав шаги, Ли Сянфу открыл глаза. Уголки его губ слегка приподнялись, а на лице, несмотря на молодость, застыло выражение благостного умиротворения.

Ли Хуайчэнь молча разглядывал его какое-то время. Мягкий свет в глазах брата словно струился навстречу лунному сиянию, так что смотреть ему в лицо было просто невозможно.

После долгого молчания Ли Хуайчэнь наконец не выдержал:

— ...Братишка, сходил бы ты в клуб, потанцевал.

Хоть немного живой энергией подпитаешься.

Примечание автора:

Ли Сянфу: Между медитацией под луной в полночь и танцами в ночном клубе я выберу первое.

Ли Хуайчэнь: ...Даю сто тысяч, марш на дискотеку.

Танцевать в клубе?

В красках представив себе толпу, безумно извивающуюся на танцполе, Ли Сянфу посмотрел на старшего брата и подумал, что ночная работа явно лишает людей рассудка.

Бросив эти слова, Ли Хуайчэнь напрямик направился в ванную комнату на первом этаже.

Посидев еще немного на месте, Ли Сянфу достал из кармана буддийскую бусину — перед уходом настоятель подарил ее ему как оберег от скверны и зла. Аккуратно опустив бусину на ковер, Ли Сянфу напутствовал:

— Я пойду совершу омовение и воскурю благовония. Когда старший брат выйдет, отдай это ему.

Ли Шаша кивнул.

Через три минуты Ли Хуайчэнь вышел из ванной. Заметив лежащую на ковре бусину, он приподнял бровь:

— Он что, уже вознесся в нирвану?

«...»

Ли Шаша с совершенно серьезным видом кивнул и, бережно поднеся бусину обеими руками, передал ее Ли Хуайчэню:

— Это мощи, оставшиеся от папы, возьми на память.

«...» Очередной острый выпад семейства Ли достиг цели — на этот раз настала очередь Ли Хуайчэня лишиться дара речи.

Ночь близилась к концу. За окном клубились тяжелые тучи, предвещая завтрашний дождь.

<http://bllate.org/book/18300/1757036>